

Опера — это экстаз, а не работа

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

Новые Известия. — 2001. — 25 авг. — с. 7.

CHRISTIAN STEINER

Любовь КАЗАРНОВСКАЯ пела и в Большом, и в Мариинском театрах, а потом вышла замуж за австрийца и уехала за границу. Несколько лет она жила в Вене и в Нью-Йорке, пела на лучших мировых сценах — Wiener Staatsoper, Covent Garden, Opera Bastille, La Scala, Metropolitan Opera. Заслужила репутацию самой отчаянной и темпераментной русской примадонны и будоражащее кровь определение «самого эротического сопрано мира». Но недавно решила вернуться из дальних странствий в Россию вместе с семьей. И нынешним летом справилась новоселье в центре Москвы, по соседству со Старым Арбатом.

— Вы три года жили на несколько домов. И вот окончательно решили перебраться в Москву?

— У меня были не то чтобы сомнения, перебраться ли в Москву, я просто думала, смогу ли делать здесь то, что умею и должна. Но Москва такой мегаполис, такое средоточие денег и возможностей... Та энергия, которая тут сконцентрирована, дает мне надежду, что именно Москва станет моей опорной точкой. Ни Вена, ни Нью-Йорк ею не стали. Там очень все хорошо, но энергетически это не мои города.

Однако здесь все безумно сложно. Имея трехгодичное соглашение с Большим театром, которое только что закончилось, мне удалось, к сожалению, осуществить лишь один проект — «Портрет Манон» на музыку Массне и Пуччини. В театре будто поселились форс-мажорные обстоятельства, и постоянная смена руководства стала единственным заметным событием в его стенах. Никакой Гидрометцентр не в состоянии предсказать — будет буря или жара. Театр бесконечно трясет и лихорадит. И он, очевидно, не реализует свои возможности даже на десять процентов. Это кошмар. Я знаю, что многие западные театры не хотят заключать договор с Большим, потому что никто не знает, что будет с ним завтра. Как таковой Большой театр в мире уже не копируется. Достопримечательностью осталось только его здание. Многие считают необходимым один раз в жизни сюда приехать и спеть — лишь для строчки в биографии, а не из-за творческого интереса. Будет очень обидно, если в начале следующего года в Большом не состоится мой проект — изумительный спектакль Римской оперы «Адриенна Лекувер» Чилеа. Эта та роль, которую я могу исполнить только сегодня — и по вокальной зрелости, и по актерскому опыту, пока я с голосом и с фигурой. А что будет со мной завтра или через два года, неизвестно. Да и Андреа Бочелли не каждый день высказывает желание спеть в Большом. Но не вижу со стороны театра адекватного интереса. Как будто на его сцене ежедневно выступают три тенора. Большой не очень интересуется репертуарным разнообразием и проектами, способными привлечь публику. На его вкус куда лучше поставить «Хованшину» в двадцать пятый раз.

— А певиче может быть уютно в Москве без Большого театра — откровенного фетиша для оперного человека?

— Может. Вообще, как-то в жизни так получилось, что я никогда не рассчитывала на Большой. Мое приглашение в 1983 году на «Сказание о граде Китеже» Евгением Светлановым было совершенно случайным. Просто искали молодую Февронию, которая могла вокально справиться с партией. Потом последовали предложения спеть «Паяцев», «Иоланту», «Онегину». И я пела. Но этот театр никогда обо мне все-таки не думал, и я о нем тоже. В Большом я никогда себя не чувствовала, как дома. Я туда приходила, и мне казалось, что все на меня смотрят, как на сопливую девчонку, которой надо еще нос вытирать. И когда

мне поступило предложение от Юрия Темирганова работать в Мариинке, я поняла, что меня приглашают на положение примадонны, я там нужна и от меня ждут серьезного шага вперед. В театре были прекрасные дирижеры — Колобов, Гергиев и, конечно, Темирганов. Они меня смогли сразу оценить — мы говорили на одном творческом языке. Там я и состоялась как оперная певица. Тогда это был невероятно интеллигентный театр. С тех пор Мариинка была и остается для меня родным домом, хотя я и москвичка.

— А сегодня вы не тоскуете по Мариинке?

— По сцене, по публике очень тоскую. Считаю, что обязательно Господь как-нибудь меня снова туда приведет.

— И когда же?

— На сегодняшний день это очень сложный вопрос. Я ведь не стану петь просто очередной спектакль. Это должна быть премьера «на меня», как «Саломея» Рихарда Штрауса в 1995 году.

— Для вас обязательна событийность каждого вашего выхода на сцену?

— Во всяком случае я стремлюсь именно к этому. Надо уметь постоянно чем-то удивлять людей. А из рядового спектакля никакого события не сделаешь, сколько ни пыжись. Если ты только не Паваротти, за которым вся мультимедиа бежит.

— И для вас СМИ эпатажных эпитетов не жалели: «танцующая примадонна», «самое эротическое сопрано». Наверное, это приятно, но не слишком ли фамильярно для оперной примадонны, которая по определению должна быть недосыгаема?

— Я задумывалась над этим. И пришла к выводу, что наше время несколько изменило само понятие «примадонна». Всякое статуйное примадонство ныне воспринимается как признак звездной болезни. И я хочу демократичного стиля, но не до пошлости и панибратства, конечно. Если люди будут переходить эту грань, то я буду «рубить» отношения. С другой стороны, слава Богу, моя фактура позволяет мне пока-

зывать свое тело. Это не значит, что я буду раздеваться по любому поводу. Но, допустим, в той же «Саломее» в танце «Семи покрывал», я могу себе это позволить, и мне не будет самой противно или стыдно.

— На каких партиях вы сегодня останавливаете свой выбор?

— Я поняла, что мои роли — это Big personality. Мне больше неинтересно петь Верди. Почти во всех его операх — безумная сложность музыкального материала, и убивающая актерское начало образная статика. Так что, несмотря на всю свою любовь к великому итальянцу, я предпочитаю просто петь «на бис» какие-то его арии в концертах. А мои роли — это Саломея, Баттерфляй, Тоска, Манон, из Верди же, пожалуй, только Виолетта. А еще Кармен Бизе — моя голубая мечта на будущее. Я должна петь только те оперы, в которых буду интересна и себе, и моей публике.

— «Моя публика» — это какая-то особая категория людей?

— И в Москве, и в Петербурге, и в Киеве есть изумительная публика, которая меня балует вниманием и которую я страшно люблю. Сегодня я чувствую от нее такую энергетическую отдачу, когда пою, что мне легко и комфортно. На Западе публика относится к тебе с невероятным уважением, и она даже более знающая, и я могу петь там такой репертуар, который дома не осмеливаюсь, опасаясь — различные музыкальные редкости, которые здесь выглядят скучно. Но нет нигде больше в мире такой благодарной публики, какая есть в России и в странах нашего бывшего Союза. Люди тебя случайно встречают на улице и говорят такие слова, что иногда прямо слезы наворачиваются. И не потому, что это льстит моему актерскому самолюбию, хотя и не без этого, но просто такого отношения не сыграть и не купить.

— Но, как правило, когда русский певец возвращается домой, это означает он решил или прервать или закончить свою международную карьеру...

— В жизни каждого певца бывают разные периоды: когда он так сильно востребован, что не может даже вздохнуть, или когда выступать на Западе ему уже не хочется. У меня настал именно такой период в жизни. Иногда приезжаешь на очередную гастроль и встречаешь такой ужас: у дирижера распадается каждый такт на какие-то волокна, громкость запредельная, а по воле режиссера свиньи хрюкают прямо на сцене, и голубки какают на партитуру дирижера. Я больше не хочу таких экспериментов, невзирая на то что на Западе платят очень хорошие деньги. Видимо, тут срабатывает мой характер. Когда что-то вступает в противоречие с моим внутренним миром, я теряю свою харизму. Мне глубоко убеждение, что опера — это экстаз, а не работа. Я ненавижу, когда мне говорят: good job. Я чувствую, что начинаю засыхать. У меня внутри появляются морщины, я просто загибаюсь, у меня руки опускаются. Я думаю: «А зачем мне все это нужно?». Выходит, только ради денег.

— Тогда резон. Без денег ведь никуда.

— Да, без них никуда. Но, к счастью, в России и в нашем зарубежье у меня есть такое имя, что поеду на гастроли — и те же

деньги заработаю без моральных убытков. В Москве, Киеве или Санкт-Петербурге сделаю свой проект — концертное исполнение какой-нибудь оперы, и получу от этого громадное удовольствие. А не стану наступать на горло собственной песне и постоянно устраивать себе предынфарктное состояние.

Солисты, как ненормальные, носятся по миру с чемоданами. От этого всего я начинаю скулить. Мне уже безумно надоело самолеты, гостиницы и съемные квартиры, а как награда — бездарные партнеры, которые тебя перекидывают и срывают с тебя парики. Я со своим темпераментом, со своей индивидуальностью встаю против этой запрограммированной оперной жизни. Я же сейчас задумала множество гениальных проектов, которые не смогла бы реализовать в обычном оперном ритме. К тому же не все мои интересы замкнуты на том, кто, что, как и где спел. И вместо ко-го можно вскочить в какой-нибудь спектакль.

— А чего еще касаются ваши интересы?

— Главное — у меня растет сын. Если ребенком не заниматься, а быть обычной гастрольной мамашей, наверное, не надо вообще заводить детей. Дети, как трава, не растут.

— Вы на себе поставили крест в смысле творческой работы на Западе?

— Нет. Если на Западе я получу какие-то «свои», заметные постановки, с теми партнерами, которые мне интересны, то я всегда открыта для подобных предложений. С восторгом и удовольствием. То же самое в любом театре России. Я готова к любым предложениям, но только на наших условиях.

— Почему такая деспотичная постановка вопроса?

— Потому что Covent Garden, Met и другие великие в нашем сознании театры ныне совсем не то же самое, что пятнадцать лет назад, когда я начинала свою карьеру. Сейчас там поют певцы, которые раньше о выступлении на таких сценах и мечтать бы не могли. Беда сегодняшнего оперного театра в том, что он не видит разницы между поющим актером и обезличенным «среднячком». Если человек несет свою мысль и музыкальную, и эмоциональную одновременно, для них это чересчур. И слава Богу, что я могу быть свободной и делать лишь то, что мне хочется. Это настоящее счастье. Иначе я пребывала бы в жесточайшей депрессии.

— Получается, годы, проведенные на Западе, вам ничего не дали?

— Нет, конечно. Это была очень большая школа не только профессиональная, но жизненная. Запад мобилизует, заставляет выживать в самых экстремальных условиях. Поначалу моими партнерами были грандиозные певцы, с которыми было выступать не только престижно, но и профессионально полезно. Я научилась делать каждую свою роль — раз и навсегда. Не быренько выучил нотки и кое-как их озвучил, а проживать образ целиком. Партия должна вырваться внутри, как плод. А сегодня с кем расти профессионально? Все критерии катастрофически занижены. Выходишь после спектакля и хочется уши прочистить.